

САХАРОВ С. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

САХАРОВ Сергей (Афанасий) Григорьевич, родился 2 июля 1887 во Владимирской губ, в семье чиновника. В 1902 — окончил Шуйское духовное училище, с 1899 — прислуживал в алтаре, с 1903 — прислуживал иподиаконом, с мая 1907 — посвящен во чтеца. В 1912 — окончил Моковскую духовную академию, 12 октября пострижен в мантию с именем Афанасий, 14 октября рукоположен во иеродиакона, 17 октября — во иеромонаха. Преподаватель Полтавской духовной семинарии, с 1920 — наместник Владимирского Рождественского монастыря, с 20 января 1920 — архимандрит, с 18 июня 1921 — настоятель Боголюбского монастыря. 27 июня 1921 — хиротонисан во епископа Ковровского. С марта по июль 1922 — трижды арестовывался с последующим освобождением. 10 сентября 1922 — арестован по групповому делу Московского духовенства. 14 ноября приговорен к 2 годам ссылки в Зырянский край, но временно задержан в Таганской тюрьме. В феврале 1923 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<14 февраля 1923>

«Представительнице Общества помощи
политическим заключенным
Екатерина Павловне Пешковой

Епископа Ковровского
Афанасия Сахарова

Заявление

Как Вам известно, назначенный к высылке в Зырянскую область, я был временно задержан в Таганской тюрьме, в виду того, что во Владимире в недалеком будущем будет разбираться судебное дело о расхищении ризницы Суздальского Спасского монастыря, по которому я привлекаюсь в качестве обвиняемого, следовательно, должен буду явиться на суд во Владимир. Сего дня я узнал, что я внесен в список отправляемых завтра с этапом в Вятку. Но значит ли это, что меня доvezут этапом до Вятки, а, может быть, и дальше, а потом обратно этапом же повезут снова во Владимир на суд. Поэтому я усердно просил бы Вас принять возможные меры к тому, чтобы мое отправление из Москвы состоялось бы только тогда, когда будет получено официальное сообщение, что дело по обвинению меня в расхищении Суздальской ризницы прекращено. Кроме того, во Влад<имирском> отд<еле> ГПУ имеется еще дело по обвинению меня в безхозяйственном хранении ризницы Владимирского Рождественского монастыря, и по этому делу меня могут снова по этапу провести во Владимир. Желательно было бы знать определенно, что так или иначе — во Владимире закончены все дела, касающиеся меня, чтобы в месте ссылки быть без постоянной угрозы нового путешествия этапом во Владимир. Да и для дела, думается, лучше будет, если я пока останусь в Москве, отсюда скорее меня доставить на суд, чем из Зырянской области.

Епископ Ковровский
Афанасий Сахаров.

14.II.23»¹.

С 15 мая находился в ссылке в Усть-Сысольске, затем переведен в Усть-Вымь Зырянской области. В июле 1923 — обратился к Е. П. Пешковой с благодарственным письмом.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 5. С. 343-344. Автограф.

«3 июля 1923 г<ода>
Г<ород> Усть-Вымь,
Зырян<ской> о<бласти>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Давно я собирался написать Вам, поблагодарить за все то, что сделали Вы для меня, когда я был в Москве. Я всегда с глубокой благодарностью вспоминаю и буду вспоминать Вас, хоть и не имею чести лично быть знакомым. Как православный архиерей, чувство благодарности я выражаю в обычной для меня форме — молюсь о Вас.

Мои обстоятельства складываются так, что я снова принужден Вас беспокоить, — просить Вашего совета и помощи. Но чтобы дело было ясно, необходимо его изложить более или менее детально, и я заранее прошу прощения, что, может быть, утомляю Вас своим письмом.

Отправляясь из Москвы в ссылку и не зная, при каких условиях мне придется следовать, я взял с собой самое ограниченное количество вещей. Я знал, что следом за мной поедет один близкий мне человек, который привезет все, что необходимо для двухлетнего пребывания в Зырян<ской> обл<асти> и сам останется жить со мной, чтобы в далекой чужой стороне мне не быть одиноким, в особенности при разных могущих быть случайностях, при моем хроническом катаре легких и остром малокровии. Между прочим, я не взял с собой моего облачения и сосудов, — бывших у меня в Таганской тюрьме, где я служил не только в своей камере, но и на общем корпусе по праздникам, на Пасху, даже в одиночном корпусе устоял. Все эти богослужebные принадлежности, не раз проходившие через официальную передачу в Таганке, — должен был привезти мне мой спутник.

Доехал я благополучно до Усть-Сысольска. Здесь мне объявили, что постоянным местом моего жительства будет г<ород> Усть-Вымь Зыр<янской> обл<асти>. Здесь же от ранее прибывших административно высланных церковников я узнал, что у них был в ГПУ разговор относительно совершения богослужений, и им было сказано, что в своих квартирах и в присутствии только других административно ссыльных церковников и их спутников, но отнюдь не в присутствии посторонних, местных жителей, они могут совершать какие хотят службы и как хотят. На этом основании и я в течение моего 1½ недельного пребывания в Усть-Сысольске несколько раз служил в квартирах церковников в облачении, которое у них было.

Наконец добрался до Усть-Выми. Устроился здесь. Руководствуясь практикой Усть-Сысольских церковников, мы, церковники Усть-Вымские, начали и здесь служить в своих квартирах, в облачении и с сосудами, которые были у других духовных лиц (в Усть-Выми еще Архимандрит Неофит Осипов, протоиерей Владимир Богданов и свящ<енник> Евг<ений> Никольский с Кубани). Никого из местных жителей на наши богослужения мы не приглашали и о своих службах мы никому не разглашали. Служили только для себя. Недели через две приезжает мой спутник иеродиакон, привозит мои необходимые вещи и, между прочим, мое облачение и сосуды. Тут случилось одно обстоятельство. В Усть-Выми крайне трудно достать продовольствие. В течение первой недели по приезде мы немного достали даже ржаной муки. В продмагах была мука, но, пожалуйста, на товарообмен. И питались мы первое время одним чаем с московскими сухарями и баранками да супом из риса, привезенного тоже из Москвы. Спасибо, наша добрая квартирная хозяйка давала взаимы черный хлеб. А так как сейчас идет пост, то нам нельзя было пользоваться молочными продуктами. Постного же масла в Усть-Выми никогда не

достанешь. Прослышали мы, что в верстах 3-х есть женский монастырь, где есть маслобойня, и надумали мы послать туда моего иеродиакона. Нам нельзя уходить дальше 5 верст, а он, думали мы, человек свободный. Купит там нам масло, а, может быть, и еще каких продуктов. Но, увы, продуктов он не принес, а возбудил подозрение. Через день после его возвращения у меня обыск. Конечно, ничего предосудительного не найдено, да и не могло быть. Отобрали только географическую карту из старого учебного атласа, одну чисто богословскую книгу (журнал 1897 г<ода>), начатое письмо во Владимир и две полбутылки красного церковного вина. Я заявил протест против отобраания вина, предназначенного исключительно для богослужения. Тогда пришли ко мне снова и отобрали у меня облачения, сосуды и церковные свечи, то же сделано и у других церковников. Иеродиакон арестован. Теперь вот мы обвиняемые — в чем?..

Мне сказали, что административно высланные не могут иметь у себя облачений и совершать богослужений, так как это опасно, между прочим, в пожарном отношении, так как при богослужении зажигаются свечи, и раздувается кадило. Иеродиакону ставится в вину то, что он привез мне архиерейские облачения, которые могут волновать народ. Но их никто не видел и их никто не знал до тех пор, пока понятые не увидели их! Вторая вина — что по приезде сюда не явился в ГПУ. Но он на другой же день по приезде явился в милицию, и по его документам его беспрепятственно прописали и выдали удостоверение на право жительства в Усть-Выми. Теперь его беднягу препровождают в Усть-Сысольск в тюрьму. Относительно отобраанных у меня богослужебных принадлежностей я отдал письменное заявление, копию которого посылаю и Вам. Мне на него словесно дали ответ, что все существующие правила и данные касаются граждан, но не административно ссыльных, и что мое вещи будут храниться в ГПУ до окончания срока моей ссылки, когда и будут мне возвращены.

Таковы обстоятельства, побудившие меня снова утруждать Вас просьбами. Будьте добры, наведите справки (именно пока только справки, а не жалобы, ибо здесь скорее какое-то недоразумение): 1) имеют ли право административно ссыльные хранить у себя лично им принадлежащие облачения и другие богослужебные принадлежности, а также восковые свечи и вино и в каком количестве (например, мне из двух крестов разрешили оставить только один, а другой взяли); 2) имеют ли право административно ссыльные церковники в своих квартирах лично для себя в присутствии только таких же ссыльных и их спутников, не допуская ни одного из местных жителей, совершать богослужения по правилам своей религии, с употреблением соответствующих богослужебных принадлежностей; 3) могут ли свободные граждане свободно приезжать к административно ссыльным и селиться с ними или на это нужно иметь какие-либо особые разрешения, и какие именно; 4) каковы вообще права и ограничения административно ссыльных (т<о> е<сть>, например, остается ли и для них право свободы совести, право без ограничений приобретать и хранить то, что имеется в свободной продаже, право жить вместе с близкими им людьми — свободными гражданами, желающими разделить с ними ссылку и под<обное>) Нам никто не объявлял о наших правах и ограничениях, кроме указания, что мы не можем уходить далее 5 верст от города.

Моего иеродиакона вчера отправили в Усть-Сысольск в тюрьму. Завтра я посылаю заявление прокурору, копию которого и Вам сообщаю. Я думаю, что здесь вышло какое-то недоразумение, и дело, может быть, скоро само окончится. Но все же прошу Вас сообщить мне в частном порядке, каковы могут быть ответы на вышеуказанные 4 вопроса.

Прошу прощения, что причиняю Вам беспокойство, но вместе с тем прошу позволения и впредь в недоуменных случаях обращаться к Вам.

Глубоко благодарный и признательный
Епископ Ковровский Афанасий Сахаров»².

По делу о церковных ценностях епископ Афанасий (Сахаров) был приговорен к 1 году заключения, в апреле 1924 — дело было прекращено. В феврале 1925 — после освобождения из ссылки возвратился во Владимир. 8 сентября 1925 по март 1926 — дважды арестовывался, позднее освобождался. 2 января 1927 — арестован, приговорен к 3 годам концлагеря, в июне отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, работал там сторожем, счетоводом, сторожем. В августе 1929 — получив от органов ГПУ первый отказ на свидание с сыном, епископом Афанасием (Сахаровым), к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его мать Матрена Андреевна Сахарова.

<12 августа 1929>

«Уважаемая
Екатерина Павловна!

Более 1½ месяца мною послан запрос на Ваше имя приблизительно таков.

На мое ходатайство с представленными документами на разрешение свидания с сыном моим Афанасием Григорьевичем Сахаровым — получен мною отказ через Ваше учреждение. После которого я тотчас же послала и запрос, где просила Вас — дать мне разъяснение по следующему недоуменному вопросу. В виду крайне расстроенного здоровья — особенно потери зрения — на что могу представить свидетельства врачей: 1) можно ли вновь возбудить ходатайство о разрешении свидания и как поступить? 2) Будут ли действительны представленные ранее удостоверения о родстве и фотографическая карточка? Кроме этого, мною послано открытое письмо, где снова просила об уведомлении меня на вышеуказанные вопросы. Очень смущена, что до сих пор не имею уведомления от Вас.

Очень извиняюсь за причиняемое беспокойство. Убедительно прошу Вас не оставить моей просьбы без внимания. Мои старческие силы и нездоровье, — а вместе, и материнская жажда увидеться с сыном заставляют меня беспокоить Вас. Еще раз прошу убедительнейше уведомить меня на вышеуказанные вопросы.

С уважением к Вам.

М. Сахарова.

12 августа 1929 г<ода>.

г<ород> Владимир Ивановской Промышлен<ной> области
ул<ица> Герцена, д. 17,
Матрене Андреевне Сахаровой

P. S. Прилагаю на ответ две марки почтовые.

Возможно ли теперь узнать о дальнейших результатах с моим сыном по окончании ему срока в Соловецком Лагере, который оканчивается в январе 1930 года?»³

В декабре 1929 — к Е. П. Пешковой вновь обратилась за помощью Матрена Андреевна, мать епископа Афанасия (Сахарова).

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 7. С. 239-241. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 368. С. 218-219. Автограф.

<16 декабря 1929>

«Уважаемая
Екатерина Павловна

Извините за беспокойство. Дело, с которым я вынуждена обратиться к Вам и беспокоить Вас, — вот какое.

Мой сын Епископ, Афанасий Григорьевич Сахаров находится в Соловецком лагере. Ему приближаются дни окончания срока наказания — "16-го января 1930 года".

Ему и мне, престарелой матери его, хотелось бы узнать, какие результаты последуют моему сыну по окончании срока?

Зная, что в этом Вы можете помочь мне, я и обращаюсь с своей просьбой к Вам. Надеюсь, как и в предыдущие разы, Вы не откажете в просьбе и возможное от Вас исполните, и результаты сообщите мне по следующему адресу:

г<ород> Владимир Ивановской промышл<енной> обл<асти>,
ул<ица> Герцена, д<ом> № 17, М. А. Сахаровой.

При сем прилагаю две почтовые марки на ответ.

Желая всего доброго. С приветом к Вам

16 декабря 1929 г<ода>.

г<ород> Владимир.

М. Сахарова»⁴.

23 февраля 1930 — епископ Афанасий (Сахаров) после освобождения из лагеря был выслан на 3 года в Туруханский край. В конце июня 1930 — он обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<29 июня 1930>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с такой просьбой. Я отбыл три года в Соловках с 16/1-27 по 16/1-30 г<ода>. Теперь имею три года Туруханского края. Но в выданном мне уполномоченным по Туруханскому краю Красноярского Окр<ужного> отдела ОГПУ удостоверении не указано, с какого числа считается срок моей ссылки. Как объяснил мне пом<ощник> уполном<оченного>, в Туруханске нет об этом сведений. Во избежание недоразумений не можете ли Вы навести справки в ОГПУ о том, с какого числа считается срок моей ссылки, и уведомить меня об этом, а также попросить официально сообщить об этом уполномоченному по Туруханскому краю. В списках ОГПУ я числюсь под именем Сахаров Сергей-Афанасий Григорьевич.

За исполнение моей просьбы, буду весьма признателен Вам.

С уважением Ваш слуга Епископ Афанасий.

29/VI-30.

Адрес: Ново-Туруханск, Туруханского края, станок Мельничная.

Епископу Афанасию Сахарову»⁵.

В начале апреля 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Георгий Иосифович Потапов, родственник епископа Афанасия (Сахарова).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 544. С. 22. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1704. С. 132-133. Автограф

<5 апреля 1931>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Я родственник находящегося в ссылке Туруханского края Епископа Афанасия Григорьевича Сахарова, с которым имею намерение и желание увидеться. Недоумеваю, требуется ли на это разрешение Центрального ГПУ или же другого отделения, ближе находящегося к месту ссылки высланного? И вообще, требуется ли разрешение на свидание с находящимся в Туруханском крае? Если требуется, то где нужно получить разрешение и что требуется при получении последнего. Очень прошу, не замедляя уведомить меня по адресу: г<ород> Владимир Ивановской области, улица Герцена, дом № 17. Георгию Иосифовичу Потапову.

На ответ прилагаю марку в 10 коп<>

Гражданин <Потапов>.

5 апреля 1931 г<ода>.

Г<ород> Владимир»⁶.

В начале мая 1931 — Георгий Иосифович Потапов вновь обратился к Екатерине Павловне Пешковой.

<2 мая 1931>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Мною получено письмо от находящегося в ссылке в Туруханском крае станок Мельничное, гор<од> Туруханск Красноярск<ого> окр<уга> Епископа Афанасия Григорьевича Сахарова. Где он сообщает и просит меня навести справку, получена ли Вами доверенность на получение вещей, отобранных в Кеми Соловецкого лагеря у него при заболевании его тифом в декабре-январе 1929 года. Посланная им Вам простым письмом в сентябре 1930 года, где он просил Вашего ходатайства на получение их Вами и пересылке их своей маме, Матрене Андреевне Сахаровой — ныне умершей. И если получена, можно ли иметь надежду на Ваше ходатайство и возвращение его вещей, оставшихся после его отъезда в Туруханский край и оставшихся как отобранных на сохранение конторой Кемского лагеря? И если паче чаяния просьба епископа Афанасия Сахарова Вами удовлетворена почему либо и исполнена быть не может, прошу Вас дать указание — каким образом начать хлопоты о их возвращении (т<о> е<сть> вещей, находящихся в конторе Кемского лагеря). Если же получена Вами доверенность и ходатайство Ваше уже послано в Кемь, о результатах очень прошу сообщить мне и вообще прошу меня известить по адресу:

гор<од> Владимир Ивановской области, ул<ица> Герцена, дом № 17. И. А. Потапову.

Извините за причиняемые Вам беспокойства. Глубоко благодарю за предшествующие исполненные просьбы. Надеюсь и в данный момент получить от Вас результаты просимого.

С приветом И. Потапов

Гор<од> Владимир.

2 Мая 1931 года.

P. S. На ответ прилагаю почтовую марку.

Вещи могут быть высланы по вышеуказанному адресу: г<ород> Владимир с уплатой за пересылку здесь.

Последняя просьба Вами исполнена от 28/IV-31 г<ода> за № 3306»⁷.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1704. С. 134. Автограф.

В первой половине 1932 — епископ Афанасий (Сахаров) жил у ссыльного митрополита Кирилла (Смирнова). В 1933 — вернулся во Владимирскую область, но не служил. Вышел из юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского), считая, что тот превышает свои полномочия Заместителя Патриаршего местоблюстителя; позиция епископа Афанасия была близка к точке зрения митрополита Кирилла. 18 апреля 1936 — арестован по обвинению в «связи с Ватиканом» и «с белогвардейцами на Украине», но следствие интересовали лишь причины отказа сотрудничать с лояльным по отношению к советской власти митрополитом Сергием. Приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Белбалтлаг, недолго работал инкассатором, но после того, как у него уголовники похитили деньги, получил дополнительно год лишения свободы. Работал на лесобирже, на лесоповале, на строительстве круглолежневой дороги; был дневальным, бригадиром лаптеплетной бригады; Не раз арестовывался и отправлялся в штрафизолятор⁸. В июне 1941 — этапирован в Онежские лагеря, прошел пешком около 400 километров, неся на себе свои вещи. Работал на лесобирже, голодал, так как не вырабатывал нормы. В июне 1942 — освобожден из лагеря и выслан в Омскую область, работал в совхозе ночным сторожем на огороде. С января по ноябрь 1943 — проживал в городе Ишим. 7 ноября 1943 — арестован, отправлен в Москву и заключен в тюрьму. Весной 1944 — приговорен к 8 годам ИТЛ и в августе 1944 — отправлен в Сиблаг, был на полевых и ассенизаторских работах. В 1945 — признал законность избрания Патриархом Алексия I. В августе 1946 — переведен в Темниковский лагерь на плетение лаптей, затем в Дубравлаг, с 1947 — по инвалидности по возрасту; с мая 1954 — в Зубово-Полянском доме инвалидов. В марте 1955 — после освобождения из лагеря выехал в Тутаев Владимирской области, в октябре — в Петушки той же области. В последние годы жизни трудился над исследованием православного богослужения и житий русских святых; составил обстоятельный труд «О поминовении усопших по уставу Православной Церкви». 15 октября 1962 — скончался в Петушках⁹. В августе 2000 — прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1704. С. 135-136. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 725. С. 147-149; Д. 963. С. 251-253; Д. 1553. С. 52; Д. 1704. С. 132-142.

⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. С. 843-845.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.